

- obshch. red. V. G. Morogina) (Ethnic groups of developing Russia: problems and perspectives. Ed. by V. G. Morogin. Abakan, 2012, pp. 20-22 (in Russian).
13. Yanchar S. C., Slife B. D. Putting it all together: toward a hermeneutic unity of psychology. *Journal of Mind and Behavior*, 2000, vol. 21(3), pp. 315-326 (in English).
  14. Goertzen J. R. Dialectical pluralism: a theoretical conceptualization of pluralism in psychology. *New Ideas in Psychology*, 2010, vol. 28 (2), pp. 201-209 (in English).
  15. Healy P. Toward an integrative, pluralistic psychology: On the hermeneutico-dialogical conditions of the possibility for overcoming fragmentation. *New Ideas in Psychology*, 2012, vol. 30, pp. 271-280 (in English).
  16. Smythe W. E., McKenzie S. A. A vision of dialogical pluralism in psychology. *New Ideas in Psychology*, 2010, vol. 28 (2), pp. 227-234 (in English).
  17. Teo T. Ontology and scientific explanation: pluralism as an a priori condition of psychology. *New Ideas in Psychology*, 2010, vol. 28(2), pp. 235-243 (in English).
  18. Valsiner Y. Becoming Integrative in Science: Re-building Contemporary Psychology through Interdisciplinary and International Collaboration. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2007, vol. 41, pp. 1-5 (in English).
  19. Ranganath K. A., Spellman B. A., Joy-Gaba J. A. Cognitive «category-based induction» research and social «persuasion» research are each about what makes arguments believable: A tale of two literatures. *Perspectives on Psychological Science*, 2010, vol. 5, pp. 115-122 (in English).
  20. Meiser T. Much Pain, Little Gain? Paradigm-Specific Models and Methods in Experimental Psychology. *Perspectives on Psychological Science*, 2011, vol. 6 (2), pp. 183-191 (in English).
  21. Sternberg R. J., Grigorenko E. L. Unified psychology. *American Psychologist*, 2001, vol. 56 (12), pp. 1069-1079 (in English).
  22. Bandura A. *Social foundation of thought and action: a social cognitive theory*. Englewood Cliffs, N.J., 1986. 650 p. (in English).
  23. Bandura A. Toward psychology of human activity. *Perspectives on Psychological Science*, 2006, vol. 1, no. 2, pp. 164-179 (in English).
  24. Franklin C. W. *Theoretical perspectives in social psychology*. Boston, 1982. 366 p. (in English).
  25. Bustamante R. M., Nelson J. A., Onwuegbuzie A. J. Assessing schoolwide. Cultural competence: implications for school leadership preparation. *Educational Administration Quarterly*, 2009, vol. 45, no. 5, pp. 793-827.
  26. Sue D. W. Multidimensional facets of cultural competence. *The Counseling Psychologist*, 2001, vol. 29, no. 6, November, pp. 790-821.
  27. Helms J. E., Richardson, T. Q. How «multiculturalism» obscures race and culture as differential aspects of counseling competency. *Multicultural counseling competencies: Assessment, education and training, supervision*. Eds. D. B. Pope-Davis, H. L. K. Coleman. Thousand Oaks, CA, 1997, pp. 60-79.
  28. Matsumoto D. *The Cambridge dictionary of psychology*. Cambridge, 2009. 587p.
  29. Spencer-Oatey H., Franklin P. *Intercultural interaction: a multidisciplinary approach to intercultural communication*. New York, 2009. 367 p.
  30. Hermans H. J. M. The dialogical self as a society of mind: Introduction. *Theory & Psychology*, 2002, vol. 12, no. 2, pp.147-160.
  31. Hermans H. J. M. Introduction: The dialogical self in a global and digital age. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2004, vol. 4, pp. 297-320.

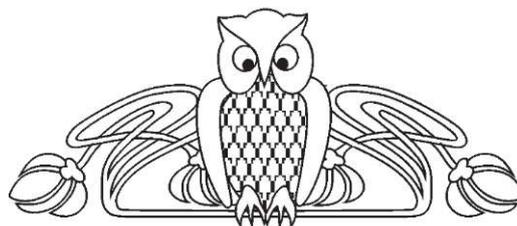
УДК 316.6

ИНФОРМАЦИОННАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е. П. Белинская

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия
E-mail: elena_belinskaya@list.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы информационной социализации применительно к ее подростковому этапу. Доказывается, что новые информационные технологии являются сегодня одновременно и средством, и средой социального развития личности в подростковом и юношеском возрасте. Утверждается, что новое, информационное, содержание выражается в динамике различных сфер подростковой социализации. Во-первых, изменяется сам коммуникативный опыт подростка в силу возникновения и все большего распространения «ком-

пьютерного» языка, который не только включает в себя новые лексико-фразеологические особенности, но и провоцирует создание и распространение новых норм коммуникации. Во-вторых, активное участие в интернет-коммуникации расширяет для ее участников возможности ролевого экспериментирования и, соответственно, провоцирует изменения их социо-ролевого опыта. В-третьих, возможности одновременного включения в различные сетевые сообщества создают активному пользователю условия для максимально управляемой самопрезентации. Дается общая характеристика сетевых сообществ как новых групп социализации на этапе отрочества, их сходства и различий с реальными группами принадлежности. В заключение определяются возможные направления социально-психологических исследований информационной социализации подрост-

ков, связанные с решением ряда вопросов: выяснения того, как сказывается опыт компьютерно-опосредованной коммуникации на содержательной стороне общения подростков в социальной реальности; определения личностных предикторов активного пользования в подростковом возрасте; изучения соотношения и взаимовлияния подросткового социального самоопределения и конструирования идентичности в реальной и виртуальной среде. Подчеркивается недостаточность и неоднозначность имеющихся эмпирических данных, задающих необходимость дальнейших исследований.

Ключевые слова: подростковый и юношеский возраст, информационная социализация, интернет-коммуникация, интернет-зависимость.

Введение

Новые информационные технологии, являясь сегодня одним из важнейших факторов экономического, политического и социального развития мира, несомненно «встраиваются» и в процесс социализации личности. Неслучайным является все большее распространение в научном дискурсе термина информационной социализации. Особенное значение «информационное измерение» содержания социализации имеет для подросткового и юношеского возраста.

Изучение информационной социализации на данном возрастном этапе предполагает, как минимум, две основные линии анализа: во-первых, изучение виртуальной среды как нового ресурса социального развития (т.е. влияния новых информационных технологий на процесс подростковой социализации в целом) и, во-вторых, изучение трансформаций основных социализационных процессов при условии их протекания в виртуальной среде (т.е. изменений параметров социального развития подростка, взятых исключительно в своей виртуальной представленности). При условии объединения эти два направления представляют, по сути, тезис о том, что новые информационные технологии являются сегодня одновременно и средством, и средой социального развития личности в подростковом и юношеском возрасте.

«Информационное измерение» содержания социализации личности подростково-юношеского возраста

Что на сегодняшний день из известных фактов имеет максимальное значение для анализа информационной социализации подростка? Прежде всего, отметим, что, несмотря на более позднее, по сравнению с западными странами, включение в процесс информатизации, Россия повторяет многие мировые тренды, а именно:

1) рост количества активных пользователей Сети идет по экспоненте и в основном за счет пользователей подростково-юношеского возраста;

2) происходит постоянное снижение «возраста инициации» - за десять последних лет с 16-17 до 7-8-летнего возраста;

3) увеличивается процент «женского пользования» - за то же время с 15-20% до 40-50%;

4) в подростковой среде растет доверие к Интернету как СМИ, по сравнению с традиционными источниками информации;

5) увеличивается время интернет-пользования в системе досуга подростков.

При этом, в отличие от западноевропейских стран и США, в России все вышеперечисленное характерно только для жителей городов-«миллионников» с наличием крупных университетских центров [1, 2], следовательно, именно в сфере информационной социализации заложены возможные будущие основания социального неравенства и дестабилизации подростково-молодежной когорты.

Представляется, что новое, информационное, содержание выражается в динамике следующих сфер подростковой социализации: во-первых, в изменении самого коммуникативного опыта подростка в силу возникновения и все большего распространения «компьютерного» языка, включающего в себя не только новые лексико-фразеологические особенности, но и провоцирующего новые нормы коммуникации; во-вторых, в расширении для подростка возможностей ролевого экспериментирования и, соответственно, изменения своего социо-ролевого опыта (прежде всего, посредством компьютерных игр); в-третьих, в увеличении максимально управляемой самопрезентации (через ЖЖ, блоги, аватары и пр.). Заметим, что изучение этих линий динамики подростковой социализации имеет не только узкопрофессиональное, но политико-экономическое значение, так как именно с прорывом в сфере новых информационных технологий официально связывается будущее нашей страны. Остановимся на части этих особенностей информационной социализации более подробно.

Социально-психологические следствия увлеченности интернет-коммуникацией

Если обратиться к социализационным изменениям в области коммуникативного опыта в целом и, в частности, к тем его особенностям, которые связаны с «компьютерным» языком, то представляется, что в поликультурном аспекте максимальное значение имеет сегодня социолингвистическая динамика, задаваемая возможностями интернет-коммуникации. Наличие в интернет-общении особого языка («e-language», «netlingo», «netspeak») не нуждается в развернутых доказательствах. Исследования, посвященные специфике компьютерного языка, концентрируются вокруг следующих вопросов: во-первых,

это вопрос о его конкретных лингвистических особенностях (изменении значительной части лексических и грамматических конструкций, по сравнению с «обычным» языком, появлении новых стилистических особенностей и т.п.); во-вторых, это вопрос о статусе формирующегося компьютерного языка (наличии/отсутствии оснований для определения его как функциональной разновидности любого естественного языка, имеющего письменность); в-третьих, в настоящий момент исследования компьютерного языка все чаще начинают ставить вопрос о том, как меняется коммуникативное поведение человека при постоянном употреблении электронных языковых средств. Очевидно, что именно при такой постановке проблемы изучение компьютерного языка начинает включать в себя явный социально-психологический момент [3].

Социально-психологический анализ языка интернет-коммуникации закономерно смещает фокус исследовательского интереса от таких традиционно изучаемых дискурсивных свойств компьютерной коммуникации, как динамичность и персонифицированность, к анализу других ее характеристик - высокой ситуативной обусловленности, коннотативности, культурологической заданности, что в целом отражает намечающийся переход от «личностного» полюса изучения проблемы к «социальному». Соответственно, это требует и расширения изучаемых функций компьютерного языка. Так, помимо чисто коммуникативной и фатической в качестве самостоятельного предмета анализа могут выступать конструктивная (формирование определенных социальных представлений), социо-регулятивная (воздействие на социальные структуры и/или процессы) и ценностно-презентационная (использование для демонстрации социальных и/или персональных ценностных предпочтений) функции. Каковы же социально-психологические следствия подобной функциональной «экспансии» компьютерного языка в современной коммуникации?

Представляется, что, во-первых, они выражаются в динамике коммуникативной позиции субъекта коммуникации в силу расширенных возможностей принятия/непринятия различных ролевых моделей языкового поведения и навыков переключения языковых кодов. Так, задавая новые возможности для межкультурной коммуникации, Интернет неминуемо увеличивает количество людей, имеющих высокую степень знакомства с различными социокультурными контекстами, формирующих различные социокультурно обусловленные языковые картины мира, владеющих множественными сценариями коммуникации. Во-вторых, эти изменения проявляются в новых возможностях объединения в те или иные сообщества интернет-пространства,

в том числе языковые, что, в свою очередь, повышает общую социально-психологическую компетентность субъекта подобной коммуникации. В-третьих, социально-психологические следствия все большей представленности компьютерного языка в процессах современной коммуникации связаны с потенциальным увеличением коммуникативной активности субъектов коммуникации. При всей неоднозначности решения вопроса об активности/пассивности субъекта интернет-коммуникации в целом очевидной является расширенная возможность ее превращения из межличностной в групповую, доказательством чему служит факт бурного развития социальных сетей в интернет-пространстве. И в значительной степени именно новые возможности коммуникации в групповом контексте тех или иных сетевых сообществ важны в ситуации реального культурного и языкового разнообразия.

Хотя в целом интенсификация межкультурных контактов благодаря интернет-коммуникации не нуждается в развернутых доказательствах, однако не менее очевидными являются и определенные ограничения подобного общения: статус пользователя внутри сообщества во многом зависит от степени владения английским языком, причем по своим психологическим характеристикам любое сетевое сообщество более приспособлено для представителей индивидуалистических и низкоконтекстных культур, нежели для коллективистских и высококонтекстных. И потому не является неожиданным вывод многих исследователей о том, что доминирование английского языка в Сети разрушает естественное лингвистическое разнообразие мира [2].

Однако носителям миноритарных языков пространство интернет-коммуникации даёт и определенные возможности. Они состоят в следующем: во-первых, сетевые сообщества, созданные на таких языках, выступают просто как информационный ресурс (*«существует такой язык, у него такие-то особенности»*); во-вторых, они могут быть образовательным пространством (*«этот язык можно изучить, в том числе on-line»*); в-третьих, они предоставляют своим членам возможность непосредственной коммуникации на миноритарном языке (*«здесь можно найти собеседника, говорящего так же, как ты»*); и наконец они являются пространством самовыражения для носителя подобного языка (*«я такой-то и говорю так-то»*). Но не стоит забывать, что подобные возможности при создании сайтов миноритарных языков сопровождаются и рядом трудностей, среди которых: вынужденное создание основного массива сайта на доминирующем языке, необходимость включения сопровождающих звуковых программ для корректировки произношения и в ряде случаев

для содержательной поддержки - программ флеш-анимации, а также то, что создание сетевого сообщества из носителей миноритарного языка всегда так или иначе связано с ценностным к нему отношением в реальности.

Итак, существенной особенностью информационной социализации в подростковом и юношеском возрасте является ее протекание в пространстве тех или иных сетевых ресурсов. Что же характеризует сетевые сообщества как специфические группы социализации?

Социально-психологическая специфика сетевых сообществ как группового «пространства» социализации

Прежде всего отметим, что современные исследования сетевых сообществ носят преимущественно феноменологический характер. Во многом это связано с начальной стадией изучения, практически совпадающей по времени с моментом их становления как самостоятельного элемента Сети. Закономерно, что и сам термин при этом «собирает» в себе достаточно разную с психологической точки зрения реальность. Под сетевыми сообществами понимаются и совокупности пользователей, объединенных вокруг тех или иных временных и/или постоянных тематических содержаний Сети (например, участники тематических телеконференций), и приверженцы каких-то определенных виртуальных «мест досуговой коммуникации» (например, социальных сетей), и виртуально коммуницирующие члены реальных социальных сообществ и/или организаций. И в этом смысле феноменологический этап их изучения как время «свободы выражения многообразия», скорее всего, неизбежен. Вопрос в том, что именно составляет сугубо психологическое «поле» исследований в проблематике сетевых сообществ.

С социально-психологической точки зрения принципиальным представляется решение следующего ряда проблем:

1) *Что может быть принято как системообразующий признак сетевого сообщества?* В социальной психологии существует сегодня около сотни определений малой группы - через самые разные критерии или их сумму: взаимодействие, коммуникацию, разделение целей, общность норм и ценностей, распределение ролей, идентификацию с одними и теми же объектами и идеалами, восприятие себя как некоторого единства, взаимное удовлетворение личных целей. Как известно, для отечественной теоретической традиции все это разнообразие «накрывается» критерием совместной деятельности, которую, заметим, довольно трудно операционализировать в конкретном эмпирическом исследовании.

Как отнестись ко всему этому разнообразию при переносе исследований группы в виртуальную реальность? Как они меняются и меняются ли при этом «переносе»? И один из главных вопросов: что есть продукт (результат) совместной деятельности в виртуальности, принципиально наполненной симулякрами?

2) *Как соотносятся сетевые сообщества с привычными для социальной психологии дихотомиями в классификациях групп?* Иными словами, это большие или малые группы? Естественно возникшие или искусственно созданные? Или вообще эти классификации к ним не применимы, например, в силу отсутствия топологических и временных характеристик целостности?

Если придерживаться отрицательного ответа на последний вопрос, то на каких основаниях должна строиться классификация сетевых сообществ? Или же они в общем и целом сильно похожи друг на друга и в этом смысле не нуждаются в типологизации? Иными словами, сетевые сообщества суть *инаковые* по отношению к реальным сообществам (и тогда для понимания их специфики необходимо их изучение в сравнении с реальными сообществами), или же они в общем *такие же* (и тогда возможен простой перенос в виртуальность тех знаний, например, о динамических характеристиках групп, которые уже накопила социальная психология при изучении реальности)?

3) *Как переживается членами сетевого сообщества факт одновременного наличия в нем структурных характеристик целостности (например, целей, норм, иерархии статусов) и отсутствия топологических характеристик?* Иначе - каков пространственно-временной образ «своих»? Есть ли он вообще? В какой степени отсутствие объективных оснований для его формирования компенсируется и чем именно? Какую психологическую роль для человека играет подобная пространственно-временная «размытость» этих «своих», которые «везде и нигде», - максимально защищающую или какую-то иную?

4) *Какова объективная социальная роль сетевых сообществ?* В какой степени они могут быть рассмотрены как группы социализации личности? Насколько они востребованы сегодня и кем именно? Иными словами, кто агенты и акторы этих социальных образований?

5) *Каковы особенности развития (групповой динамики) сетевых сообществ?* Отметим, что данный вопрос может касаться и собственно стадийности развития, и трансформаций группового давления, и факторов лидерства, и особенностей групповых дискуссий.

И, наконец, подчеркнем, почему ответы на все эти вопросы представляются важными: по-

тому что, если сетевые сообщества - некоторые «социально-психологические ячейки» Сети, то возникает возможность исследования их динамических взаимоотношений и взаимосвязи друг с другом, что, по сути, будет демонстрацией психологических оснований всей сетевой организации.

Представляется, что современный этап исследований сетевых сообществ еще не позволяет однозначно ответить на эти вопросы. Хотя сегодня различные интернет-комьюнити являются предметом научной рефлексии специалистов самой разной дисциплинарной принадлежности, однако и психологических и социально-психологических исследований в этой области проводится крайне мало: с одной стороны, в силу новизны самого объекта исследования, с другой - по причине понятных ограничений использования традиционного методического инструментария в ситуации его «переноса» в виртуальное пространство. Пожалуй, единственным исключением является исследование он-лайн дневников (блогов), в отношении которых на сегодняшний день уже накоплен значительный эмпирический материал [4], и в определенной степени активизация исследовательского интереса к этой области интернет-коммуникации связана с ее ролью в подростковой социализации.

Заметим, что исследование юношеских личных дневников имеет многолетние традиции в психологии. Со времен Ш. Бюлер отмечается, что в основе мотивации такого поведения лежит типичная потребностная диада юности - «потребность в рефлексии - потребность в самораскрытии». С развитием интернет-технологий исследовательский интерес к этой форме человеческой активности стал переживать «второе рождение», что обогатило понимание функций личных дневников в целом.

Так, традиционная функция самораскрытия, более часто определяемая в наши дни как «самовыражение», анализируется уже не с точки зрения своего предметного содержания, а с позиций возможного психотерапевтического воздействия на личность пишущего. Она мыслится как возможность «отпустить» свои мысли и чувства: их текстуальное выражение становится для человека первым шагом на пути разделения себя и своих переживаний, началом своеобразного отчуждения мучающих внутренних противоречий. Не менее традиционно выделяемая функция рефлексии также получает новое значение: в ней сегодня подчеркивается не столько задача разностороннего анализа человеком тех или иных проблем своей повседневности, сколько создание с помощью дневника некоторой «другой реальности» - со своими особыми временем и пространством, которыми

можно управлять. Тем самым личный дневник становится возможностью пусть иллюзорного, но контроля над ускоряющимся ритмом эпохи. И неслучайно эти функции дополняются сегодня еще и такими возможностями личных дневников, как «заморозка времени» и «нахождение удовольствия в письме». В первой из них акцент делается на воссоздании автором субъективного ощущения смысловой последовательности и непрерывности своей жизни. Во второй же фиксируется характерное для постмодерна внимание к слову и его формам: с этой точки зрения личный дневник есть возможность придать себе новую форму, сконструировать себя в слове и тем самым заново создать свою уникальность.

Одним из основных парадоксов интернет-дневников повсеместно признается факт сочетания личных по своему характеру записей с тем уровнем публичности, который предоставляет Сеть. Но думается, дело не только и не столько в публичности как таковой, сколько в расширенных коммуникативных возможностях данной публичности; а именно: аудитория онлайн-дневников практически неизбежно становится активным соавтором дневниковых записей в силу интенсивной обратной связи. Тем самым публичная и в то же время частная природа онлайн-дневника разрушает традиционные культурные разграничения между приватным и общественным, и потому ведущий такой дневник неизбежно решает задачу самопрезентации, т. е. осознанного управления тем впечатлением о себе, которое формируется у читателей.

Какие особенности онлайн-дневников (реализуемых в формате ЖЖ) имеют значение для юношеского возраста? Во-первых, неизбежное совмещение в них коммуникации и аутокоммуникации ведет к публичности процесса построения своего Я, что приближает его к самопрезентации, к активному формированию Я-для-Других. Во-вторых, потенциальное образование вокруг ЖЖ-дневника дискуссионной площадки из комментариев читателей заставляет автора постоянно выработать и отстаивать свою позицию, активизируя процесс рефлексии. В-третьих, параметр анонимности, характерный для интернет-коммуникации в целом, в ЖЖ выступает не для того, чтобы скрыть как можно больше информации о себе, а для предоставления более полной, чем в реальной жизни, информации, в том числе и о своих взглядах и убеждениях, что дает новый импульс процессам социальной категоризации и самокатегоризации. В-четвертых, общее для виртуальной коммуникации уравнивание пользователей в социальном статусе расширяет для автора ЖЖ содержательное разнообразие обратной связи. И, наконец, в-пятых, активность в ЖЖ существенно меняет привычные пространственно-

временные параметры коммуникации: время диалога «растягивается», предоставляя автору больше возможностей для формулирования своей позиции, а пространство приобретает черты «сетевого индивидуализма», когда каждый автор может создавать свою собственную сеть коммуникации, ставя себя в ее центр.

Заключение

Если подвести некоторые итоги вышесказанному, то попытаемся определить, что на сегодняшний день малоизвестно, а потому требует дальнейшего изучения, составляя потенциальные направления исследований информационной социализации?

Представляется, что, во-первых, это вопрос о том, как сказывается опыт компьютерно-опосредованной коммуникации на содержательной стороне общения подростков в социальной реальности. Можно предположить, что данное влияние выражается в: 1) слабой нормативности социального поведения; 2) снижении «порога чувствительности» к психологическим и социальным рискам; 3) компенсаторной эмоциональности. Во-вторых, каковы личностные предикторы активного пользования в подростковом возрасте? Существующие сегодня эмпирические данные дают максимально противоречивую картину, соединяя открытость новому опыту/когнитивную ригидность, экстраверсию/интроверсию, высокую/низкую самооценку, дифференцированность/недифференцированность Я-концепции и т.д. В-третьих, возникает вопрос о социально-психологической специфике сетевых сообществ как группового «пространства» социализации. Соответственно, требуют изучения основные «точки расхождения» его с реальными малыми группами членства: по степени конформизма, специфике образов партнеров по группе, особенностям разрешения конфликтных ситуаций, динамике референтности и т.п. В-четвертых, малоизученным является соотношение и взаимовлияние подросткового социального самоопределения и конструирования идентичности в реальной и виртуальной среде, прежде всего, в силу существующей на теоретическом уровне содержательной дихотомии (компенсаторика против креативности). Наконец, в-пятых, немаловажным является вопрос о возрастной специфике патологических вариантов активного пользования. Выделяемое сегодня многообразие видов компьютерной зависимости, однозначность их физиологических и вариативность психологических симптомов, множественность объясняющих моделей, несомненно, могут и должны быть модифицированы применительно к подростково-юношескому возрасту.

Библиографический список

1. Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е., Смылова О. В. Интернет в психологическом исследовании // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 2003. № 3. С. 79-95.
2. Войскунский А. Е. Психология и Интернет. М., 2010. 439 с.
3. Белинская Е. П. Психология интернет-коммуникации : учеб. пособие. М. ; Воронеж, 2013. 192 с.
4. Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги : новая реальность : сб. ст. / под ред. В. Л. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. СПб., 2006. 199 с.

Informational Socialization in Multi-Cultural Space

Elena P. Belinskaya

Moscow State University
11, Mokhovaya, Moscow, 125009, Russia
E-mail: elena_belinskaya@list.ru

The article discusses the current problem of information socialization in relation to her teenage stage. It is proved that the new information technologies are today both the means and the social environment of the individual in adolescence and early adulthood. It is argued that new information, the content expressed in the dynamics of the various areas of adolescent socialization. Firstly, the change itself communicative experience teenager by the occurrence and the increasing spread of «computer» language, which includes not only the new lexical and phraseological features, but also provokes the creation and dissemination of new communication standards. Secondly, active participation in online communication expands opportunities for its participants role experimentation and therefore provokes changes in their socio-role-playing experience. Third, the simultaneous inclusion in a variety of online communities creates active user conditions for the most self-controlled. Provides an overview of network communities as a new group of socialization at the stage of adolescence, their similarities and differences with the real groups belonging. In conclusion, the possible directions of socio-psychological studies of adolescents' socialization of information associated with a number of issues: figuring out how to affect the experience of computer-mediated communication on the content of the communication of teenagers in social reality; definition of personality predictors of active use in adolescence; study of the relation and interaction of teenage self-determination and social construction of identity in the real and virtual environment. Highlights the ambiguity and lack of available empirical data that define the need for further research.

Key words: senior teenhood and adolescence, informational socialization, the Internet communication, Internet addiction.

References

1. Babanin L. N., Voyskunskiy A. E., Smyslova O. V. *Internet v psihologicheskoy issledovaniy* (Internet psychological investigation). *Vestn. MGU. Ser. 14. Psikhologiya* (The Moscow University Herald. Ser. 14. Psychology), 2003, no. 3, pp. 79-95.

2. Voyskunskiy A. E. *Psikhologiya i Internet* (Psychology and Internet). Moscow, 2010. 439 p.
3. Belinskaya E. P. *Psikhologiya internet-kommunikatsii: ucheb. posobie* (Psychology of Internet communication: studies benefit). Moscow; Voronezh, 2013. 192 p.
4. *Lichnost' i mezhlchnostnoe vzaimodeystvie v seti*

Internet. Blogi: novaya real'nost': sb. st. pod red. V. L. Volokhonskogo, Ju. E. Zaycevoy, M. M. Sokolova (Personality and interpersonal communication in the Internet. Blogs: The new reality: sb. art. Eds. by V. L. Volokhonskiy, Ju. E. Zayceva, M. M. Sokolov). St.-Petersburg, 2006. 199 p.

УДК 316.37

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ПСИХОЛОГИИ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

М. В. Григорьева

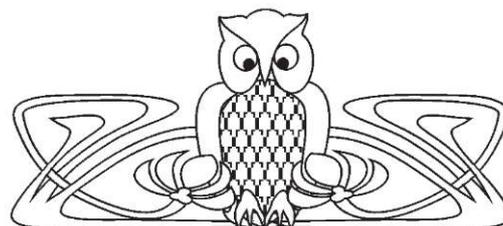
Григорьева Марина Владимировна - доктор психологических наук, профессор, кафедра педагогической психологии и психодиагностики, Саратовский государственный университет, Россия
E-mail: grigoryevamv@mail.ru

Раскрыто содержание основных понятий, используемых в современных исследованиях психологической адаптации личности. Психологическую адаптацию предложено определять как развивающий процесс и результат оптимального и динамичного соотношения требований (возможностей) окружающей среды и возможностей (требований) личности. Рассмотрено соотношение категорий адаптации и взаимодействия. Психологическая адаптация осуществляется в форме активного взаимодействия со средой. Взаимодействие личности и среды может предшествовать адаптации, когда в его процессе разворачиваются противоречия между возможностями личности и требованиями среды или требованиями личности и возможностями среды. Обоснована необходимость использования понятий «адаптационная активность», «адаптационная готовность», «адаптационные способности»; раскрыто содержание этих понятий с позиций эконсихологического подхода.

Ключевые слова: личность, психологическая адаптация, адаптационная активность, адаптационная готовность, адаптационные способности.

Введение

Условия развития современного общества характеризуются возрастанием информационных потоков и темпа жизни и деятельности, интенсификацией взаимодействий личности и среды, значительным повышением неопределенности, которое выражается в сложности идентификации трудностей и определении действий по их преодолению, повышенными требованиями к конкурентоспособности личности в профессиональной сфере. Все это актуализирует проблему психологической адаптации личности в современных динамичных условиях жизни и деятельности. Интерес психологов находится в основном в области общих и конкретно практических вопросов, связанных с адаптацией. Проведенный нами теоретический анализ про-

блемы психологической адаптации личности [1] показал, что понятие адаптации признается многими исследователями в качестве одной из основных категорий психологии (А. В. Петровским, М. Г. Ярошевским, Б. Г. Ананьевым, Ю. Л. Неймером, И. И. Мамайчук, С. И. Степановой, В. Г. Бушуровой, А. А. Реаном, Ф. Б. Березиным, Ю. А. Александровским, Г. А. Баллом и др.), обозначены общие интеллектуальные механизмы адаптации (Ж. Пиаже, В. Штерном, Р. Кэттеллом, Дж. Гилфордом, Г. Ю. Айзенком, Р. Стернбергом, В. Н. Дружининым, Л. Ф. Бурлачуком, Д. Н. Завалишиной и др.), достаточно полно изучены факторы и критерии производственной адаптации (А. Л. Свенцицким, Л. Г. Почебут, В. Д. Шадриковым, К. К. Платоновым, Г. Г. Голубевым, В. Г. Подмарковым, Н. А. Ермоленко, М. П. Будякиной, А. А. Русалиновой, Р. Д. Бардиным, Г. Д. Орешниковой и др.) и адаптации к экстремальным и стрессогенным условиям (Г. Селье, Л. А. Китаевым-Смык, Л. П. Гримаком, В. А. Ганzenом, Е. П. Ильиным, В. И. Медведевым, Б. А. Вяткиным, Ф. З. Меерсоном, В. Э. Мильманом, Г. С. Никифоровым и др.). В настоящее время вводятся новые понятия, раскрывающие сложный и многоплановый характер психологической адаптации.

Понятийный аппарат психологии адаптации личности

Психологическая адаптация рассматривается нами как развивающий процесс и результат оптимального и динамичного соотношения требований (возможностей) окружающей среды и возможностей (требований) личности. Исследователями признается двойной вклад в динамику процесса адаптации и личности, и среды. С позиций эконсихологического подхода психологическая адаптация изучается в процессе активного взаимодействия со средой. Взаимодействия могут предшествовать адап-